

**СЮЖЕТНЫЕ АРХЕТИПЫ В МИФОЛОГИИ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. Г. БОГОРАЗА-ТАНА «КРИВОНОГИЙ»)
PLOT ARCHETYPE IN MYTHOLOGY OF NORTHERN PEOPLES (BASED
ON V. G. BOGORAZ-TAN'S «BANDY-LEGGED»)**

Аннотация: Статья посвящена обзору и анализу сюжетных архетипов в мифологии северных народов на примере рассказа-очерка В. Г. Богораза-Тана «Кривоногий» (1896). Предпринимается попытка рассмотреть в рассказе архетипические черты сюжета в мифологии северного этноса с целью установить северную мифологическую модель мира. В работе проводится теоретический обзор и анализ работ по проблемам архетипа К. Г. Юнга, а также рассматриваются исследования сюжетных архетипов и архетипических образов, описанных в работах отечественных литературоведов.

Ключевые слова: мифология; архетип; сюжетные архетипы; архетипические образы; литература «путешествий».

Abstract: This paper examines plot archetypes in mythology of northern peoples the case of story-essay «Bandy-legged» («Krivonogiy») (1896) by V. G. Bogoraz-Tan. We try to examine archetypal features of plot in the mythology of northern ethnic groups in the given story in order to establish the northern mythological model of the world. The paper provides theoretical overview and analysis of the works on the archetype by K. G. Jung, as well as studies of plot archetypes and archetypal images described in the works of Russian researchers.

Keywords: mythology; archetype; plot archetypes; archetypal images; «travel» literature.

На современном этапе развития науки, понятие «архетип» является одним из самых сложных, поскольку определение термина представляется чрезвычайно широким, так же как и практика его употребления. В литературоведении данное понятие функционирует в нескольких значениях. В отечественном литературоведении определение данного понятия представлено в работе Е. М. Мелетинского «О литературных архетипах» [2, с. 5], где автор определил архетипы как первичные схемы сюжетов и образов, которые составляют изначальный фонд литературного языка. Эти повествовательные схемы, по мнению автора, являются своеобразными трансформациями первичных элементов, которые он определяет как «сюжетные архетипы».

В качестве объекта работы рассматривается рассказ-очерк Владимира Германовича Богораза-Тана «Кривоногий», написанный в 1896 году. Рассказ явля-

ется одним из первых художественных произведений в творчестве писателя, написанных автором после многолетнего исследования жизни чукотского народа. Данное произведение рассматривается нами как материал «путешествия», поскольку является итогом многолетнего исследования и усвоения культуры северного народа ученым-путешественником.

Выбор материала определяет актуальность данной работы. В первую очередь, выбор обусловлен тем, что рассказ повествует о северном сообществе народов – чукотском этносе. Во-вторых, основы изучения культуры северо-восточных палеоазиатов тесно связаны именно с именем выдающегося этнографа, лингвиста, писателя В. Г. Богораза-Тана. И, в-третьих, выбор художественного произведения ученого-этнографа в качестве материала работы представляется важным и своеобразным методом выявления национального образа народов Севера.

В рассказе-очерке «Кривоногий» В. Г. Богораз-Тана выделяются характерные мифологические сюжетные линии, которые можно считать архетипическими. В первую очередь, сюжетная последовательность произведения весьма архетипична: сначала мы встречаем сюжет изоляции героя от своего сообщества, от своих братьев. В ходе рассказа появляется антагонист героя в лице злого духа Кэля, с которым главный герой Эуннэкай тесно связан, ведь именно Кэля навлек на героя уродство и «хромую болезнь». По мнению Эуннэкая, именно Кэля устроил для него «испытание»: *«Враждебный дух опять усыпил его ум, чтобы увести от него оленей и погубить его вконец. <...> Кэля унёс его душу в эту туманную ночь и носил её по надземным пустыням, где никогда не бывает дня, и запер его в железный шалаш для того, чтобы тем временем похитить от него стадо»* [1, с. 22]. В этом повороте сюжета мы видим реализацию следующего сюжетного архетипа «испытание героя».

Рассказ завершается исчезновением главного героя. По нашему мнению, эта мрачная концовка представляет универсальный архетип, проявившейся уже в древнегерманской мифологии, повествующий о неминуемом конце или гибели из-за нарушения правил, норм, которые являются строгими в этнической культуре.

Основной комплекс сюжетных архетипов связан с образом главного героя Эуннэкай.

Сама фигура Эуннэкай представляется нам в сочетании нескольких архетипических образов. Первый образ связан с архетипом «дитя», который по К. Г. Юнгу символизирует начало пробуждения индивидуального сознания из стихии коллективно-бессознательного. К этому выводу мы приходим в ходе развития сюжета, когда главный герой – наивный, невежественный Эуннэкай, который играет с камушками и собирает полевые цветы в начале рассказа, – осознает свое место в жизни после «испытания», приготовленного ему злым духом Кэля.

Второй образ героя сближает его с хтоническими силами: автор описывает героя несколько звероподобным: «участь выючного животного была его постоянной долей», «уродливая грудь, выгнутая, как у птицы», «он обглодал последнюю косточку» [1] и т. д. Также образ Эуннэкай, по нашему мнению, очень по-

хож на фигуру греческого бога Гефеста: такой же хромой, невзрачный, отверженный одиночка.

Важным моментом рассказа является сюжет, имеющий древнейшее происхождение. Этот сюжет был выделен Е. М. Мелетинским как древнейший архетипический мотив: «порождение различных объектов богами либо магически, либо биологически, как рождение детей, но часто необычным образом» [2, с. 51]. Так, к рождению Эуннэкая имеет непосредственное отношение фигура тотемного духа: *«Может, ещё дед или прадед обидел духа, обошёл его жертвой, пренебрёг в начале осени окропить закат кровью чёрного оленя, убитого среди пустыни, или что-нибудь в этом роде, а он выместил злость на Эуннэкае и в минуту его рождения вывернул ему ногу и исковеркал грудь...»* [1, с. 4].

Далее представляем рассмотрение отдельных сюжетных архетипов и архетипических образов, найденных в рассказе.

В рассказе встречаются архетипы тотемных животных в устойчивых мифологических мотивах и функциях, которыми они обладают во многих культурах. Например, архетип Медведя, образ которого является одним из самых уважаемых в охотничьих культурах северных народов. Например, в эвенской культуре медведь является самым священным тотемным животным, а в корякской мифологии он представляется как ближайший родственник человека. Таким образом, медведь является несомненно архетипичным образом в мифологии северян. В рассказе «Кривоногий» архетип «медведь» представляется в виде Мудрого Старца и хозяина леса. *«Пожалел старик [медведь]! – думал он. – Всё знает, дочиста! Зачем станет обижать бедного парня, который никогда не говорил о нём худо?»* [1, с. 5]. Более того, в рассказе прослеживается образ медведя как звериного предка человека: *«Между многочисленными следами на самой тропинке ему попался ещё отпечаток, очень похожий на след босой человеческой ступни, только гораздо шире и со вдавленными основаниями пальцев. Но Эуннэкай очень хорошо знал, что за человек оставил этот отпечаток: тот самый, который вечно ходит босиком и не носит меховой обуви»* [1, с. 4]. Данное восприятие этого тотемного животного является наиболее распространенным в северной мифологии, где часто встречается мотив превращения человека в медведя, медведя-человека (архетип Отца / Матери), а также представлен образ медведя, восходящий к архетипу Мудрого Старца, почитаемого хозяина леса (архетип «хозяин-царь»), что в совокупности составляет архаические основы медвежьего мифа, сформировавшегося в рамках тотемических верований у охотничьих народов Севера.

В произведении присутствует также архетип Мирового Дерева: *«Смолоду Эйгелин не хотел отдать её, чтобы не потерять здоровой рабочей силы, а потом как-то так случилось, что никто не пожелал трижды обвести её вокруг столбов своего жилища и подвести для благословения к новому огню, добытому из святого дерева»* [1, с. 6]. В рассказе со святым деревом связан сакральный ритуал, когда оно приобретает особое значение во время важных событий в жизни северянина. Мировое Дерево представляет собой древнейший архетип сознания. Дерево в северных культурах чаще выполняет функцию медиатора

между реальным и потусторонним мирами, поэтому именно рядом со святым деревом чаще происходят обряды жертвоприношения богам.

В рассказе также встречается несомненно архаичный образ Ворона в характерном для палеоазиатской группы образе Создателя-Бога: *«Божественный ворон, – тот самый, который когда-то учил своей каркающей речи поколения людей, лишённых слова, – с раскрытым клювом, широко простёртыми крыльями и заострёнными когтями, прилетел и прокричал у него над ухом»* [1, с. 19]. Вспомним, что, исследуя фольклор коренных народов Камчатки, В. Г. Богораз-Тан находит центральную группу рассказов, описывающих похождения ворона Кутха, а также повествующих о жизни его жены и детей. Эти параллели стали основанием для того, чтобы рассматривать фольклор коряков и ительменов как единую систему. Предположительно на материале исследований В. Г. Богораз-Тана, на примере Вороньего цикл в фольклоре восточных палеоазиатов, Е. М. Мелетинский выделяет универсальную формулу синтагматики сюжета, применимую к определенным им типам сюжетов корякско-игтельменского фольклора. В целом следует отметить, что такого рода исследования В. Г. Богораз-Тана и Е. М. Мелетинского определяют универсальность сюжетных элементов в мифологии, фольклоре северных народов.

Таким образом, анализ сюжетных архетипов на материале «путешествия» на Север позволяет выявить устойчивые образы, мотивы, сюжеты в мифологии Севера. Например, образ главного героя Эуннэкая представлен так, чтобы он соответствовал логике северного архетипического сюжета: физическое отклонение, слабость тела воспринимались как знак божественного недовольства, как кара за грехи предков, поэтому в рассказе судьба героя не сложилась положительным образом.

Этот рассказ как один из примеров результата многолетнего исследования северного этноса позволил еще раз убедиться в том, что тип северного мифологического мировоззрения – основа видения окружающей действительности народов Севера, дал возможность уточнить представление о мифосознании как особом способе освоения и представления реальности.

Библиографический список

1. Богораз-Тан, В. Г. Кривоногий / В. Г. Богораз-Тан. – М. : Книга по требованию, 2011.
2. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – М. : РГГУ, 1994. – 136 с.
3. Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе / Е. М. Мелетинский. – М. : РГГУ, 2001. – 168 с.
4. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2000. – 336 с.
5. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.